Хинков

О свободе

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

О СВОБОДѢ

и о томъ, какъ она добывается.

(второе изданіе)

Не мало людей говорятъ теперь о свободѣ, но не
... “ разумѣютъ одно и то
... акъ не всѣ, стремящіеся
... ся въ одинаковомъ по-

... капиталисты, фабрикан-
... умѣютъ такую перемѣну,
... теряютъ, но кое-что вы-
... они разумѣютъ такую перемѣну, при которой та земля, тѣ фабрики и заводы, которые они считаютъ своими, непремѣнно остались бы при нихъ; они, наконецъ, разумѣютъ такую перемѣну, при которой экономическая зависимость отъ нихъ трудового народа осталась бы та же, что и теперь.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится трудовой народъ, а потому и на свободу онъ смотритъ совершенно иначе и подъ этимъ словомъ другое разумѣетъ. На трудовомъ народѣ лежатъ два гнета —гнетъ правительства и гнетъ капиталистовъ. И потому вполнѣ естественно, что стремясь къ освобожденію, онъ пытается стряхнуть съ себя и тотъ и другой.

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

О СВОБОДѢ
и о томъ, какъ она добывается.

(второе изданіе)

Не мало людей говорятъ теперь о свободѣ, но не всѣ подъ словомъ „свобода" разумѣютъ одно и то же. И это понятно, такъ какъ не всѣ, стремящіеся къ освобожденію, находятся въ одинаковомъ положеніи.

Когда о свободѣ говорятъ капиталисты, фабриканты и помѣщики, то они разумѣютъ такую перемѣну, при которой они ничего не теряютъ, но кое-что выигрываютъ; они разумѣютъ такую перемѣну, при которой та земля, тѣ фабрики и заводы, которые они считаютъ своими, непремѣнно остались бы при нихъ; они, наконецъ, разумѣютъ такую перемѣну, при которой экономическая зависимость отъ нихъ трудового народа осталась бы та же, что и теперь.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится трудовой народъ, а потому и на свободу онъ смотритъ совершенно иначе и подъ этимъ словомъ другое разумѣетъ. На трудовомъ народѣ лежатъ два гнета —гнетъ правительства и гнетъ капиталистовъ. И потому вполнѣ естественно, что стремясь къ освобожденію, онъ пытается стряхнуть съ себя и тотъ и другой.

Слѣдствіемъ этого является то, что трудовой народъ стремится внести измѣненія въ область экономическую —въ ту область, въ которой капиталисты и помѣщики желаютъ оставить все по старому.

Трудовой народъ понимаетъ, что только въ той мѣрѣ въ какой силы его позволятъ ему стряхнуть съ себя не только гнетъ правительства, но и гнетъ владѣльцевъ земли и капитала, только въ той мѣрѣ можетъ онъ разсчитывать на дѣйствительное освобожденіе.

Но спрашивается: можетъ ли, въ силахъ ли трудовой народъ сбросить съ себя тѣ цѣпи, въ которыхъ его держатъ правительство и богачи?

На этотъ вопросъ разные люди отвѣчаютъ различно.

Одни, напримѣръ, говорятъ, что привительство такъ сильно, а трудовой народъ такъ слабъ, что насильственное сверженіе самодержавія невозможно. А будь оно даже возможнымъ, ничего путнаго, по ихъ мнѣнію, изъ такого насильственнаго переворота выйти не можетъ, такъ какъ то правительство, которое замѣнитъ нынѣшнее, будетъ не лучше, а куда хуже теперешняго. Хуже же оно будетъ, по ихъ словамъ, потому, что послѣ побѣды надъ правительствомъ, народъ будетъ, молъ, представлять изъ себя „толпы разъяренныхъ людей, озвѣрѣвшихъ въ дикой рѣзнѣ“. Такія толпы окажутся въ полномъ подчиненіи у руководителей возстанія, которые захватятъ власть въ свои руки и еще хуже, чѣмъ нынѣшнее правительство, станутъ вить веревки изъ рабочаго народа и губить и грабить его ради удовлетворенія своего честолюбія и своей выгоды.

Такъ думаютъ толстовцы*).

Толстовцы полагаютъ, что вся бѣда въ томъ, что народъ не просвѣщенъ свѣтомъ того ученія, которое они считаютъ истиннымъ. Они полагаютъ, что слѣдуетъ терпѣливо и кротко, не прибѣгая къ насилію, а также къ организаціи (согласованію своихъ дѣйствій съ дѣйствіями товарищей) и къ конспираціи (держанію въ тайнѣ отъ правительства, а также отъ худыхъ и вздорныхъ людей, своихъ дѣйствій), ожидать того времени, когда настанетъ это просвѣщеніе. Когда же это случится, то и свергать никого не придется, ибо правительство само падетъ за неимѣніемъ на кого опереться.

Вышеизложенное отношеніе толстовцевъ къ революціи и революціонерамъ особенно интересно тѣмъ, что по своему практическому значенію представляетъ собою одну изъ самыхъ остроумныхъ защитъ самодержавія, да и всякаго вообще угнетенія, какое только можно себѣ представить.

Въ простотѣ душевной толстовцы искренно вѣрятъ что они, именно они, а не кто либо другой,—самые опасные и серьезные враги самодержавія.

Это убѣжденіе настолько сильно овладѣло ими, оно такъ сильно туманитъ имъ разумъ, что они совершенно не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что совокупность ихъ теорій и взглядовъ, при нынѣшнихъ условіяхъ жизни да при данной природѣ человѣка, не столько разрушаютъ самодержавіе и всякій во-

*) См. кн. Черткова „О Революціи" стр. 8 и 38.

обще гнетъ и произволъ, сколько все это поддержива-ютъ. Когда сомодержавіе защищаетъ человѣкъ неразумный, то онъ силится доказать его божественное происхожденіе. Онъ говоритъ о томъ что царь—помазанникъ Божій, онъ говоритъ о преимуществахъ самодержавія передъ другими формами правленія и т. п.

Умный же человѣкъ, который понимаетъ, что дѣло не въ словахъ, что отъ однихъ словъ ни самодержавію, ни его представителямъ ничего не сдѣлается, что „брань на вороту не виснетъ",—начинаетъ съ того, что бранитъ самодержавіе и его слугъ на пропалую: „Оно, молъ, и сякое, и этакое и вовсе даже не отъ Бога". Расположивъ къ себѣ слушателя своимъ яснымъ, толковымъ и правдивымъ изобличеніемъ самодержавія и всѣхъ дѣлъ его, умный защитникъ существующаго строя продолжаетъ приблизительно такъ: „видите, братья, какъ мы изобличаемъ зло и неправду сильныхъ міра сего. А между тѣмъ находятся недобросовѣстные люди которые утверждаютъ, что мы держимъ руку правительства. Напротивъ того, мы лучше всѣхъ понимаемъ, насколько ужасно положеніе порабощеннаго народа и насколько отвратительно и мерзко наше самодержавное правительство. Но.... братья, это мерзкое и богопротивное правительство такъ сильно, что ничего съ нимъ нельзя подѣлать. Прогнать его никакъ нельзя. Это адамантовая скала, о которую тщетно разобьются всѣ ваши усилія*]. А если бы, паче чаянія, вамъ и удалось его свергнуть, то знайте, что то прави-

*) „О революціи ст. 25.

тельсгво, которое его замѣнитъ, будетъ еще куда хуже и богопротивнѣй“*].

Читатель, надѣемся, согласится съ тѣмъ, что трудно придумать нѣчто болѣе остроумное, въ смыслѣ защиты современнаго порядка вещей.

Какъ мы уже говорили раньше, толстовцы совершенно не отдаютъ себѣ отчета въ той поддержкѣ, которую оказываютъ самодержавію и дѣлаютъ это вполнѣ безсознательно и помимо своей воли.

Но возвратимся къ занимающему насъ вопросу о томъ, въ силахъ ли трудовой народъ сбросить съ себя тѣ цѣпи, въ которыхъ держатъ его правительство и богачи.

Какъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ толстовцы, мы сказали.

Теперь посмотримъ, какъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ соціальдемократы.

Соціальдемократы не сомнѣваются въ томъ, что у рабочаго народа хватитъ силъ свергнуть самодержавное правительство. Соціальдемократы не думаютъ, что новое, народное правительство будетъ хуже нынѣшняго самодержавнаго.

Что же касается до гнета капиталистическаго, до гнета богачей, то устраненія этого гнета, въ настоящее время, по мнѣнію соціальдемократовъ, достигнуть невозможно, а стало быть, нечего объ этомъ хлопотать. Такія старанія были бы лишь напрасной тратой силъ.

По отношенію къ гнету экономическому соціальдемократы по существу дѣла занимаютъ точь въ точь

*) „О революціи“ ст. 8 и 38.

то же самое положеніе, которое толстовцы занимаютъ по отношенію ко всякому вообще гнету. Соціальдемократы, понятное дѣло, употребляютъ другія слова—но суть ихъ отношенія къ экономическому гнету для ближайшаго времени совершенно то же, что отношеніе толстовцевъ къ гнету политическому.

Когда соціальдемократы рекомендуютъ рабочему народу пообождать съ устраненіемъ тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ возможнымъ гнетъ богачей, то дѣлаютъ они это, само собою разумѣстся, не изъ любви къ богачамъ. Напротивъ того, они и капиталистовъ, и капиталистическій строй костятъ на всѣ корки.

Рекомендуютъ они рабочему народу пообождать не потому, что они думаютъ, будто у него не хватитъ силъ отобрать землю и фабрики. Нѣтъ. Силъ, по ихъ мнѣнію, хватитъ. Чего, по ихъ мнѣнію не хватитъ—это возможности и умѣнія распорядиться по хорошему захваченной землей и фабриками.

Возможности распорядиться по хорошему, по мнѣнію с.-д., не будетъ потому, что не настали, молъ, еще нужныя для этого внѣшнія матеріальныя условія.

Эти нужныя внѣшнія условія, по ихъ мнѣнію, долженъ и можетъ подготовить одинъ капитализмъ. А потому они находятъ полезнымъ развитіе капитализма.

Умѣнія же у трудового народа не будетъ потому, что трудовой народъ еще слишкомъ недостаточное время подвергался капиталистической выучкѣ. Капитализмъ еще не успѣлъ выколотить изъ рабочаго народа чувства обособленности и дурной привычки быть самому себѣ хозяиномъ.

Вникая въ суть дѣла, мы видимъ, что здѣсь, подъ другой только формой, проглядываетъ старое церковное ученіе объ испорченности человѣческой природы. Отношеніе къ дѣлу соціальдемократовъ вполнѣ сходносъ отношеніемъ къ нему церковниковъ. То же самое признаніе несовершенства человѣческойприроды; то же самое недовѣріе къ собственнымъ силамъ человѣка и, наконецъ, то же самое признаніе необходимости внѣшняго Спасителя. Разница только въ томъ названіи, которое церковники и соціальдемократы даютъ этому Спасителю. Церковники называютъ его вторымъ лицомъ Троицы; соціальдемократы называютъ его капитализмомъ.

Законы производства при этомъ играютъ роль бога-отца, а Соціальдемократическая Партія—роль св. духа.

Соціальдемократы думаютъ, что въ настоящее время рабочій народъ вслѣдствіе своей темноты и дурныхъ навыковъне можетъ обойтись безъ капиталистовъ и капиталистическаго гнета. „Вѣдь въ чемъ дѣло“—говорятъ соціальдемократы—„Вѣдь все дѣло въ частной собственности на орудія производства—на землю, машины и т. п. И даже не столько въ самой частной собственности, сколько въ томъ, что люди къ ней привыкли, безъ нея не могутъ обойтись“. И вотъ, подобно тому, какъ для толстовцевъ все дѣло въ томъ, чтобы отучить людей отъ употребленія насилія, для чего они и проповѣдуютъ физическую покорность насилію, такъ точно для соціальдемократовъ когда дѣло идетъ о борьбѣ съ экономическимъ гнетомъ, все дѣло сводится къ тому, чтобы не употреблять насилія въ борьбѣ съ этимъ гнетомъ, а напра-

вить всѣ силы на измѣненіе міровоззрѣнія всей рабочей массы.

Лучшимъ, если не единственнымъ, средствомъ, способнымъ измѣнять міровоззрѣніе рабочихъ массъ, соціальдемократы считаютъ **пролетаризацію** этихъ массъ, т. е. обращеніе всего трудового народа въ безземельныхъ наемныхъ рабочихъ. Поэтому они думаютъ, что надо способствовать, или по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ препятствовать возникновенію такихъ условій и такихъ порядковъ, при которыхъ обезземеленіе крестьянскихъ массъ и разлученіе рабочихъ съ орудіями производства шло по возможности быстро и плавно,—легко и безболѣзненно.

Пусть земля и орудія производства сосредоточатся въ рукахъ немногихъ богачей. Пусть одни богачи живутъ при этой заразѣ владѣнія землей. Рабочій народъ надо отъ нея освободить. Когда это будетъ сдѣлано, то получится: съ одной стороны—небольшая кучка богачей, владѣющая всей землей и всѣми орудіями производства, а съ другой—море безземельныхъ батраковъ и рабочихъ, такъ называемыхъ пролетаріевъ. Когда рабочій народъ поживетъ нѣкоторое время безъ земли и орудій производства, когда онъ хорошенько попривыкнетъ работать на чужой землѣ—батраками и рабочими пролетаріями—на фабрикахъ, то тогда, по мнѣнію соціальдемократовъ, онъ отвыкнетъ отъ частной собственности и станетъ способнымъ отобрать у богачей землю и фабрики уже не въ частную собственность, а въ общественную.

Когда толстовцамъ говорятъ, что предлагаемый ими

способъ освобожденія отъ правительственнаго гнета требуетъ слишкомъ много времени, что тутъ по пословицѣ: „пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ“— они отвѣчаютъ: „можетъ быть; но это единственно вѣрный путь“. Въ подкрѣпленіе этого своего мнѣнія они ссылаются на то, что они называютъ: законами Бога.

Когда то же самое говорятъ соціальдемократамъ по отношенію къ гнету экономическому,—они отвѣчаютъ: „можетъ быть; но за то это единственно вѣрный путь“. Въ подкрѣпленіе этого своего мнѣнія соціальдемократы ссылаются на то, что они называютъ—законами производства.

Толстовцы полагаютъ, что при насильственномъ сверженіи правительства, нарушаются законы бога,— какъ они ихъ понимаютъ,—и думаютъ, что такое нарушеніе ничего добраго принести не можетъ.

Соціальдемократы полагаютъ, что при насильственномъ отобраніи отъ капиталистовъ, въ настоящее время, земли и орудій производства, будутъ нарушены законы производства,—какъ они ихъ понимаютъ,—и думаютъ, что такое нарушеніе ничего путнаго принести не можетъ,

Воззрѣнія толстовцевъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ играютъ на руку правительству и тѣмъ, которые такъ или иначе—подъ его крылышкомъ—угнетаютъ и обираютъ народъ.

Воззрѣнія соціальдемократовъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, играютъ на руку капиталистамъ и помѣщикамъ потому, что представляютъ обираніе ими рабочаго народа до поры, до времени роковымъ, неизбѣжнымъ и даже полезнымъ.

Толстовцы, ссылаясь на свое толкованіе того, что они называютъ законами бога, говорятъ трудовому народу „терпи молъ, трудовой народъ— ничего не подѣлаешь. Станешь улучшать внѣшнія условія жизни, станешь отстранять и устранять то, что мѣшаетъ тебѣ жить по человѣчески—еще хуже выйдетъ. А потому, терпи,—ничего не подѣлаешь!"

Соціальдемократы ссылаясь на свое толкованіе того, что они называютъ законами производства говорятъ:

„Терпи, молъ, трудовой народъ! Противъ экономическаго гнета, въ настоящее время, ничего не подѣлаешь! Такъ ужъ законами производства опродѣлено: тебѣ—„пролетаризироваться", а капиталистамъ, землевладѣльцамъ, фабрикантамъ да кулакамъ—богатѣть. Ничего тутъ не подѣлаешь!"

Поскольку трудовой народъ не утратилъ здраваго смысла, постолько онъ не можетъ согласиться ни съ толстовцами, ни съ соціальдемокрами сколько бы они ни ссылались на законы бога и законы производства, и сколько бы ни увѣряли рабочій народъ въ томъ, что ихъ пониманіе и толкованіе этихъ законовъ единственно правильное, вѣрное и научное.

Какъ мы уже говорили, трудовому народу свойственно желать и добиваться упраздненія не одного только гнета и политическаго, но и экономическаго гнета, поэтому ученіе соціальдемократовъ должно быть для него не менѣе чуждо, чѣмъ ученіе толстовцевъ.

Оба эти ученія, по своему существу, въ корнѣ — глубоко не революціонны, если понимать подъ сло-

вомъ „революція“ коренной переворотъ, совершаемый самими угнетенными и порабощенными.

Оба эти ученія учатъ порабощенныхъ терпѣть и не прибѣгать къ насилію. Первое —учитъ терпѣть всякій гнетъ, всякое угнетеніе и порабощеніе. Второе —учитъ терпѣть гнетъ экономическій. И оба эти ученія утверждаютъ, что настанетъ такое время, когда всякій гнетъ и всякое порабощеніе упразднятся. И сдѣлается это какъ то само собой, безъ насилія или почти что безъ насилія.

Такъ какъ толстовцы и соціальдемократы тутъ разумѣютъ время весьма и весьма отдаленное, то имъ поневолѣ приходится быть на этотъ счетъ весьма и весьма туманными.

Толстовцы все спасеніе видятъ въ отказѣ отъ насилія. Пусть люди откажутся отъ насилія, говорятъ они, и все нужное имъ —имъ приложится. Кѣмъ? Очевидно богомъ—хозяиномъ жизни—по его законамъ. То что по ученію толстовцевъ долженъ сдѣлать отказъ отъ насилія, то по ученію ссоціальдемократовъ должна совершить пролетаризація трудовыхъ массъ. Пролетаризація измѣнитъ міровоззрѣніе этихъ массъ и тогда—все нужное приложится. Кѣмъ? Очевидно, законами производства или по этимъ законамъ.

Здѣсь суть въ томъ, что по обоимъ ученьямъ все дѣйствительно нужное не будетъ взято, а приложится, явится какъ бы наградой за согласованіе своихъ дѣйствій съ тѣмъ, что толстовцы называютъ законами бога, и съ тѣмъ, что соціальдемократы называютъ законами производства.

И вотъ почему, посколько трудовой народъ понимаетъ и чуствуетъ, что дѣло его освобожденія должно быть дѣломъ его собственныхъ рукъ, что ему никѣмъ и ничѣмъ ничего не будетъ дано и не „приложится“, и что будетъ онъ имѣть только то, что самъ съ боя возьметъ у правительства и капиталистовъ,—постолько должно быть ему одинаково чуждо и ученіе толстовцевъ и ученіе соціальдемократовъ.

Глубокое духовное родство этихъ ученій, съ революціонной точки зрѣнія, еще обнаруживается особенно ярко, если обратить вниманіе на отношеніе этихъ учепій къ тому, что они выставляютъ коренной причиной людскихъ бѣдствій. Оба эти ученія рекомендуютъ не дѣятельную—поневолѣ часто насильственную—борьбу съ этими коренными причинами, а лишь борьбу путемъ воздержанія отъ тѣхъ или иныхъ дѣйствій. Не прямую революціонно насильственную борьбу, а лишь борьбу косвенную. сводящуюся къ внутреннему измѣненію міровоззрѣнія массъ.

Соціальдемократы все зло видятъ въ экономическомъ порабощеніи трудовыхъ массъ и осуждаютъ насильственную борьбу съ этимъ порабощеніемъ, ибо находятъ, что она въ настоящее время нецѣлесообразна. По ихъ ученію, съ политическимъ гнетомъ можно и должно бороться насильственно, революціонно; противъ же гнета экономическаго они такой борьбы не допускаютъ.

Вся борьба съ гнетомъ экономическимъ, по ихъ ученію, должна на многіе годы, десятки, а можетъ быть и сотни лѣтъ ограничиться работой надъ измѣненіемъ міровоззрѣнія рабочихъ массъ.

Если же они и допускаютъ борьбу за лучшія условія труда, то отнюдь не насильственную и притомъ лишь за такія измѣненія въ этихъ условіяхъ, которыя не подрываютъ матеріальныхъ интересовъ работодателей и не тормозятъ роста капитала.

Глядя на ученія толстовцевъ и соціальдемократовъ съ революціонной точки зрѣнія еще поражаешься ихъ тождественностью въ оцѣнкѣ частичныхъ улучшеній въ той области, которую они признаютъ за наиболѣе важную.

Для толстовца уменьшеніе стѣсненія, уменьшеніе насилія и гнета не имѣетъ никакой цѣны. На словахъ онъ, напримѣръ, никогда не допуститъ, что швейцарскіе или англійскіе государственные порядки—лучше русскихъ*). Толстовцу прямо подавай отсутствіе всякаго стѣсненія, всякаго насилія—или пусть остается все по старому.

Разсуждаетъ онъ приблизительно такъ: свобода есть отсутствіе всякаго стѣсненія. Свободенъ только тотъ, кого никто и ничто ничѣмъ и никогда не стѣсняетъ. А такъ какъ при всякомъ государственномъ строѣ все же необходимъ извѣстный порядокъ, извѣстныя правила общежитія,—то значитъ, все равно, —какой строй не заводи,—свободы не будетъ.

Толстовцы очень любятъ щеголять крайностью своихъ воззрѣній, совершенно не замѣчая того, что эта крайность въ словесныхъ требованіяхъ дѣлаетъ совершенно невозможнымъ какое бы то ни было дѣйствительное улучшеніе жизненныхъ порядковъ.

---

*) „О революціи“ ст. 28.

Въ простотѣ душевной толстовцы похваляются тѣмъ, что въ то время, какъ большинство революціонеровъ полагаетъ, что плохо только теперешнее правительство, но что можно и должно замѣнить его другимъ, лучшимъ; они—толстовцы— убѣждены въ томъ, что никакого вовсе принудительнато правительства быть не должно, хотя бы даже и такъ называемаго „выборнаго“*)

Всякій понимаетъ, что такое отношеніе къ правительству, при догматѣ непротивленія злу насиліемъ, ведетъ и можетъ привести только къ одному: къ укрѣпленію и сохраненію въ цѣлости и невредимости наличнаго правительства—въ данномъ случаѣ — самодержавія.

Тамъ, гдѣ толстовцы для болѣе яркаго оттѣненія тщеты всякихъ „мірскихъ“ улучшеній употребляютъ разныя хорошія слова библейскаго происхожденія, тамъ соціальдемократы для болѣе яркаго оттѣненія тщетности всякаго частичнаго экономическаго освобожденія употребляютъ слово „соціализъ“ и говорятъ: или соціализмъ, или, если мы до него еще не дозрѣли, то еще пущее развитіе капитализма, еще пущее экономическое рабство трудового народа А такъ какъ ни райскаго житья, ни соціализма ввести насильственно въ настоящее время нельзя, то соціальдемократы и стоятъ за крайнее развитіе такого строя, который основанъ на полномъ экономическомъ порабощеніи рабочихъ массъ—на ихъ пролета-

*) „О революціи“ стр. 50.

ризаціи. И утверждаютъ, что только черезъ пролетаризацію рабочихъ массъ можетъ быть достигнутъ соціализмъ.

Съ точки зрѣнія толстовцевъ и соціальдемократовъ насильственное, напримѣръ, отобраніе земли у тѣхъ, которые владѣютъ ею теперь на правахъ частной собственности и передача ее въ уравнительное пользованіе обществамъ, такъ называемая „соціализація“ земли —ея освобожденіе—не имѣетъ въ настоящее время никакого значенія. „Вѣдь, говорятъ они, коли землю освободите, то вѣдь этимъ не введете ни райскаго житья, ни соціализма—а потому это отобраніе земли у частыхъ владѣльцевъ—одна только пустая затѣя“. По мнѣнію соціальдемократовъ это даже вредная затѣя. Насколько можно ихъ понять—объясненія ихъ на этотъ счетъ довольно таки туманны и запутаны—освобожденіе земли, главнымъ образомъ, вредно потому, что представляетъ собою шагъ впередъ, въ сторону экономическаго освобожденія трудовыхъ массъ. По міровоззрѣнію же соціальдемократовъ, соціализмъ и экономическая свобода трудовыхъ массъ можетъ быть достигнута лишь движеніемъ въ обратную сторону—въ сторону полнаго экономическаго рабства этихъ массъ, въ сторону ихъ пролетаризаціи.

Соціализація земли, говорятъ они, еще не соціализмъ. И при ней будетъ неравенство въ экономическомъ положеніи людей; стало быть изъ за чего же стараться?

Это безполезная затѣя. И не только безполезная, но и вредная, потому что она задержитъ процессъ

скопленія земли и капитала въ рукахъ немногихъ и затруднитъ обезземеленіе и пролетаризацію крестьянъ, а безъ этого не наступятъ тѣ условія, при которыхъ только и привьется соціализмъ.

Выходитъ, такимъ образомъ, что соціализація земли тѣмъ плоха, что она не позволитъ трудящимся массамъ постепенно нищать!

По нашему,это значитъ разсуждать шиворотъ на выворотъ. Но есть не мало людей, которымъ разсужденія соціальдемократовъ кажутся „научными".

II.

Въ предъидущей главѣ мы говорили о томъ, что размѣры свободы, которую добудетъ себѣ трудовой народъ будутъ зависѣть отъ того, насколько ему удастся стряхнуть съ себя не только гнетъ самодержавнаго правительства, но и гнетъ капиталистовъ.

Такъ какъ освобожденіе трудового народа отъ политическаго и экономическаго гнета, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, хватитъ ли у него для этого пониманія и силъ, то мы остановились сначала на томъ, что объ этомъ думаютъ толстовцы и с.-д. Говорили мы о нихъ, а не о комъ либо другомъ потому, что какъ тѣ, такъ и другіе, съ одной стороны очень озабочены судьбами и освобожденіемъ рабочаго народа, а съ другой рекомендуютъ ему такія правила поведенія и способы дѣйствія, которыя, по нашему мнѣнію, никогда не могутъ привести къ дѣйствительному освобожденію трудовыхъ массъ.

Толстовцы убѣждаютъ трудовой народъ воздерживаться отъ всякихъ попытокъ насильственнаго от-

нятія власти у самодержавнаго правительства.

Соціальдемократы проповѣдуютъ рабочему народу съ одной стороны: необходимость и цѣлесообразность нападенія на самодержавное правительство и насильственнаго отобранія у него власти. А съ другой—убѣждаютъ рабочій народъ воздерживаться въ настоящее время отъ всякаго насильственнаго отобранія земли и орудій производства у богачей.

Мы не согласны ни съ толстовцами, ни съ соціаль-демократами. Ссылки толстовцевъ на законы бога и ихъ толкованіе этихъ законовъ намъ кажутся не убѣдительными. Такъ же мало убѣждаютъ насъ и ссылки соціаль-демократовъ на законы производства въ соціальдемократическомъ толкованіи.

И подобно тому, какъ мы не можемъ согласиться съ толстовцами, будто бы народное, свободно выбранное и передъ народомъ отвѣтственное правительство, будетъ хуже нынѣшняго;—такъ точно мы не можемъ согласиться и съ соціальдемократами въ томъ, что когда трудовой народъ отберетъ землю отъ богачей—освободитъ ее изъ подъ крѣпости частнаго владѣнія, то онъ не съумѣетъ ею распорядиться лучше, справедливѣе и правильнѣе, нежели ею теперь распоряжаются тѣ, которые ею владѣютъ въ настоящее время на правахъ частной собственности.

Поэтому мы думаемъ, что рѣшившійся на возстаніе трудовой народъ поступитъ разумно и цѣлесообразно лишь въ томъ случаѣ, если наравнѣ и одновременно съ борьбой за свободу политическую будетъ стремиться завоевать себѣ наивозможно боль-

шую экономическую самостоятельность. Будетъ бороться не только за волю, но и за землю.

* * *

Но какъ же осуществить это на дѣлѣ? Какъ приступить къ борьбѣ? Съ чего начать самую борьбу и какъ ее вести?

Если на эти вопросы разные люди разно отвѣчаютъ, то это происходитъ, главнымъ образомъ, потому, что разные люди разно оцѣниваютъ какъ силу трудовыхъ массъ, такъ и степень ихъ сознательности и разумности.

Соціальдемократамъ дѣло освобожденія трудового народа отъ давящаго его въ настоящее время гнета представляется такъ: въ настоящее время всѣ классы русскаго общества страдаютъ отъ политическаго гнета, отъ гнета самодержавія.

Трудовой рабочій народъ страдаетъ отъ него ничуть не меньше, если не больше, помѣщиковъ и капиталистовъ. Этотъ гнетъ не даетъ возможности рабочему народу организоваться для мало-мальски успѣшной борьбы съ капиталистами. Вотъ это именно отсутствіе организованности рабочихъ массъ и составляетъ въ настоящее время, по мнѣнію соціальдемократовъ самое больное мѣсто въ дѣлѣ освободительнаго движенія этихъ массъ. Въ сущности, по ихъ мнѣнію, массы эти въ настоящее время очень слабы и, что еще хуже, совершенно почти безсознательны. Буржуазные классы куда сильнѣй, а главное, гораздо болѣе сознательны. Поэтому именно буржуазные классы и будутъ идти теперь во главѣ борьбы за политиче-

ское освобожденіе. Трудовой же народъ пока еще слишкомъ слабъ, чтобы вести борьбу на два фронта: бороться и противъ самодержавія, и противъ капиталистовъ.

Поэтому ему ничего другого не остается, какъ только присоединиться къ своимъ экономическимъ угнетателямъ и вмѣстѣ съ ними вести борьбу за одну лишь политическую свободу, объ экономическомъ же освобожденіи до поры, до времени можно лишь говорить, какъ о дѣлѣ будущаго; о немъ, да о свободной землѣ можно будетъ вспомнить тогда, когда введенъ будетъ парламентскій строй, тѣмъ болѣе, что тогда рабочія массы будутъ въ состояніи подкрѣпить свои требованія силой своихъ легальныхъ организацій.

Если стоять на этой точкѣ зрѣнія, и съ этой точки зрѣнія обсуждать дѣло революціи, то представляется целѣсообразнымъ, чтобы рабочія массы сперва повели буржуазную линію, т. е. добивались бы одного политическаго освобожденія, не касаясь совершенно освобожденія экономическаго; и только покончивъ съ этимъ, выведя своего классового врага на торную дорогу капиталистическаго преуспѣянія,рабочія массы съ спокойной совѣстью, которую дастъ имъ сознаніе того, что они не погрѣшили противъ велѣній законовъ производства, въсамомъ правовѣрномъ (ортодоксальномъ) и научномъ (соціальдемократическомъ) ихъ толкованіи, только покончивъ съ этимъ, говоримъ мы, рабочія массы могутъ, по мнѣнію соціальдемократовъ свернуть на свою собственную рабочую линію.

На первый взглядъ кажется, будто бы соціальде-

мократы озабочены тѣмъ, чтобы возможно полнѣй соблюсти классовые интересы крупной буржуазіи. Но это только такъ кажется. Дѣло же въ слѣдующемъ: подобно тому какъ толстовцы вовсе не изъ любви къ самодержавію и всякому угнетенію проповѣдуютъ „непротивленіе злу насиліемъ", а дѣлаютъ это единственно изъ желанія согласовать свои поступки съ тѣмъ, что они называютъ законами бога; такъ точно и соціальдемократы одушевлены однимъ желаніемъ: согласовать свои поступки и поступки рабочихъ массъ съ законами производства—какъ сами соціальдемократы понимаютъ и толкуютъ эти законы.

То обстоятельство, что ближайшая соціальдемократическая программа (программа минимумъ) не содержитъ въ себѣ ни одного пункта, съ которымъ не могъ бы согласиться всякій буржуа, стоящій на своей классовой точкѣ зрѣнія и оцѣнивающій эту программу именно съ точки зрѣнія своихъ буржуазныхъ классовыхъ интересовъ—опять таки вовсе еще не доказываетъ того, чтобы русская соціальдемократія, скорбя объ отсутствіи, въ настоящій историческій моментъ, революціонной буржуазіи, считала нужнымъ ее замѣнить и взять на себя защиту интересовъ крупной буржуазіи. Ничуть не бывало! Дѣло въ томъ, что законы производства при „правильномъ" (соціальдемократическомъ) ихъ пониманіи и правовѣрномъ (ортодоксальномъ) къ нимъ отношеніи — требуютъ именно такой, а не другой какой либо ближайшей программы.

Къ сказанному надо еще прибавить, что при своемъ

сужденіи о будущей революціи, ходѣ ея и ея плодахъ— соціальдемократы слишкомъ склонны недооцѣнивать силы, сознательность и разумность трудового народа и слишкомъ склонны переоцѣнивать творческія силы буржуазіи.

Совершенно иначе смотрятъ на революцію соціалисты-революціонеры и совершенно другого отъ нея ожидаютъ. Въ то время, какъ соціальдемократы больше думаютъ да прикидываютъ насчетъ того, что могутъ рабочія массы **надѣяться получить**,—соціалисты-революціонеры больше думаютъ о томъ, что могутъ рабочія массы во время революціи—**взять**.

Соціалисты-революціонеры полагаютъ, что свалить самодержавіе и всѣ дѣла его можетъ основательнымъ образомъ—только сила трудового народа.

Соціалисты-революціонеры полагаютъ, что у русской буржуазіи никакой дѣйствительной, своей собственной, революціонной силы нѣтъ. Соціалисты-революціонеры полагаютъ, что трудовой народъ поступилъ бы неразумно и въ высшей степени легкомысленно, если бы вмѣсто того, чтобы сразу повести свою рабочую линію, повелъ бы сначала линію буржуазную; употребилъ бы свою силу, не на укрѣпленіе своего собственнаго положенія, а на укрѣпленіе положенія своего классоваго врага. Сталъ бы, согласно совѣтамъ соціальдемократіи, тратить и силы и время на то, чтобы вывести и поставить буржуазію на торную дорогу капиталистическаго преуспѣанія.

Соціалисты-революціонеры полагаютъ, что взглядъ соціальдемократовъ на дѣло освобожденія трудового

народа неправиленъ. Соціалисты-революціонеры полагаютъ, что заботы о пролетаризаціи трудовыхъ массъ да о преуспѣяніи капитализма слѣдуетъ предоставить самимъ капиталистамъ. Трудовой же народъ долженъ вести свою собственную рабочую линію и одновременно добиваться и политическаго и экономическаго освобожденія.

* * *

Но что же значитъ для трудового народа на дѣлѣ, на практикѣ сразу повести свою собственную революціонную линію?

А это вотъ что значитъ: это значитъ, собраться съ силами и взять то, что нужно трудовому народу. А что ему нужно? Нужна ему свобода политическая и экономическая. Свобода политическая обусловлена у насъ, прежде всего, сверженіемъ самодержавія. Свобода экономическая обусловлена у насъ, прежде всего, освобожденіемъ земли. Это потому, что основа экономической свободы трудовыхъ массъ и первый шагъ къ ней, въ особенности въ такой по преимуществу мужицкой, земледѣльческой странѣ какъ наша Россія—есть свободная земля.

Надо также имѣть въ виду и не забывать, что одно сверженіе или упраздненіе самодержавія, вовсе еще не опредѣляетъ размѣровъ той политической свободы, которой будетъ пользоваться трудовой народъ. Борьба за большую экономическую свободу; отобраніе земли у частныхъ владѣльцевъ, изъятіе ея изъ частнаго владѣнія,—въ высшей степени благотворно повліяетъ не только на увеличеніе экономической

свободы трудовыхъ массъ, но и на расширеніе объема той политической свободы, которой они добьються, свергнувъ самодержавіе. А потому освобожденіе земли—ея соціализація—представляется важной и нужной не только съ точки зрѣнія освобожденія экономическаго, но также и съ точки зрѣнія политическаго освобожденія трудового народа.

Но какъ же осуществить на дѣлѣ это политическое и экономическое освобожденіе?

Съ чего трудовому народу слѣдуетъ начать? Начать ли ему съ сверженія самодержавія или съ отобранія земли? На что прежде всего долженъ употребить свою силу возставшій народъ?

Тутъ возникаетъ кажущееся затрудненіе только потому, что вопросъ неправильно поставленъ; а неправильно онъ поставленъ потому, что для отобранія земли, если крестьянство серьезно того захочетъ, какъ однажды захотѣло въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, никакой силы не требуется или требуется такая ничтожная сила, что о ней и говорить не стоитъ.

Сила настоящая, сила не шуточная потребуется лишь тогда, когда захваченную землю придется отстаивать отъ тѣхъ, которые явятся ее отбирать обратно.

А кто же явится ее отбирать?

Да вѣдь никто другой какъ самодержавное правительство. И если трудовой народъ съумѣетъ отстоять захваченную землю, то это будетъ означать ничто иное какъ то, что трудовой народъ осилилъ самодержавное правительство.

Всякому должно быть ясно, что побѣда народа надъ своими угнетателями должна выразиться въ деревнѣ не такъ, какъ она можетъ выразиться въ городѣ и это по той простой причинѣ, что условія угнетенія и формы его въ деревнѣ и городѣ не одинаковы.

Всякому должно быть понятно, что взятіе деревенской кутузки или захватъ волостного правленія нельзя сравнивать съ захватомъ, скажемъ Петропавловской крѣпости, петербургскихъ тюремъ и министерствъ. Также, должно быть всякому понятно, что удаленіе становыхъ, земскихъ начальниковъ и урядниковъ никакъ нельзя сравнивать съ удаленіемъ главныхъ правителей, начальниковъ и министровъ.

По деревнямъ и селамъ есть только одинъ предметъ, захватъ и удержаніе котораго народомъ дѣйствительно важно и существенно съ революціонной точки зрѣнія. И это потому, что удержаніе этого предмета предполагаетъ какъ захватъ волостныхъ правленій, кутузокъ и помѣщичьихъ усадьбъ— такъ и удаленіе становыхъ, земскихъ начальниковъ и помѣщиковъ.

Предметъ этотъ — земля

И важенъ захватъ земли не только потому, что будетъ знаменовать собою первую побѣду трудового народа по деревнямъ и селамъ; не только потому, что тотчасъ же раздробитъ силы правительства, которое вынуждено будетъ отрядить часть городскихъ гарнизоновъ на помощь помѣщикамъ и уѣздной администраціи, а важенъ онъ еще и по другой причинѣ.

Земля—свободная земля—должна быть той „синицей въ руки“, которую долженъ получить и во

что бы то ни стало удержать въ своихъ рукахъ трудовой народъ.

Всякій конечно понимаетъ важность и необходимость созыва Земскаго Собора для обсужденія тѣхъ порядковъ, которые должны замѣнить собою нынѣшніе. И вотъ трудовой народъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы ко времени созыва Земскаго Собора нѣкоторыя измѣненія были бы **уже** совершены.

Важно, чтобы теперь же, при самомъ началѣ борьбы трудовой народъ ясно понималъ, что по отношенію къ нѣкоторымъ вопросамъ, по отношенію къ нѣкоторымъ измѣненіямъ не можетъ быть двухъ точекъ зрѣнія, не можетъ быть двухъ мнѣній, а можетъ быть только одно.

Къ такимъ вопросамъ принадлежатъ: вопросъ о необходимости сверженія самодержавія и вопросъ о необходимости освобожденія земли.

Самодержавіе должно быть свергнуто.

Земля должна быть освобождена.

Тѣ, которые рекомендуютъ рабочему народу сперва—въ союзѣ съ капиталистами—свергнуть самодержавіе, а потомъ черезъ своихъ выборныхъ словесно хлопотать на Земскомъ Соборѣ или въ Парламентѣ о дарованіи трудовому народу разныхъ тамъ прирѣзковъ да отрѣзковъ, отлично понимаютъ, что удержаніе народомъ захваченной земли и знаменуетъ собою, при деревенскихъ условіяхъ жизни, именно то, чего они повидимому желаютъ — знаменуетъ побѣду трудового народа надъ своими угнетателями. Но такого рода побѣды надъ самодержавіемъ эти лю-

ди не одобряютъ и не одобряютъ потому, что во 1) стоятъ на точкѣ зрѣнія цѣлесообразности не захвата нужнаго, а стоятъ на точкѣ зрѣнія цѣлесообразности словесныхъ хлопотъ о нужномъ, а во 2) они думаютъ, что въ настоящее время даже и хлопотать то нужно не объ освобожденіи всей земли, а лишь о прирѣзкахъ да отрѣзкахъ.

Такая постановка дѣла борьбы деревенскаго трудового народа съ правительствомъ, при которой первымъ шагомъ, первымъ дѣйствіемъ этой борьбы явится захватъ земли; вторымъ—одолѣніе или склоненіе на свою сторону тѣхъ, которые явятся ее отбирать; а третьимъ—движеніе въ города на помощь рабочимъ, намъ кажется правильной и цѣлесообразной.

Но нѣкоторымъ она не нравится.

Къ чему такой обходной путь, говорятъ они. Зачѣмъ начинать съ захвата нужнаго трудовому народу и въ борьбѣ за это нужное бить и свергать правительство. Вѣдь если дѣло начать такимъ образомъ, то сопротивленіе правительства будетъ куда упорнѣе. А главное, такая постановка революціоннаго дѣла броситъ буржуазію въ объятія самодержавія и сдѣлаетъ ее его союзницей, ибо вѣдь многое изъ того, что нужно трудовому народу, находится въ рукахъ капиталистовъ и помѣщиковъ.

Если же дѣло поставить иначе, если избрать прямой путь нападенія на самодержавіе, не трогая того, чѣмъ нынѣ владѣютъ капиталисты и помѣщики, если вообще не нарушать ихъ интересовъ, то этимъ мы лишимъ правительство ихъ поддержки. Не боясь

за свою шкуру и свой кошелекъ, — они смѣло станутъ на сторону народа. А это очень важно.

Все это можетъ быть свершенно вѣрно съ какой угодно точки зрѣнія, но только не съ точки зрѣнія сознательно рѣшившагося на возстаніе, за волю и землю трудового народа.

Начать съ того, что съ точки зрѣнія революціонно настроенныхъ, сознательныхъ массъ трудового народа буржуазія, въ моментъ возстанія, вовсе не представитъ изъ себя такой силы, переходъ которой на сторону самодержавія укрѣпилъ бы положеніе самодержавія.

Буржуазія въ Россіи можетъ казаться силой только въ смутное, еще не опредѣлившееся время. Поскольку рабочія массы, своимъ прямымъ выступленіемъ на революціонный путь завоеванія того, что нужно именно имъ, придадутъ положенію дѣлъ болѣе ясности и опредѣленности, постолько выяснится вся ничтожность и призрачность буржуазной силы.

Если къ дѣлу отнестись серьезно и внимательно, то станетъ яснымъ, что вся такъ называемая сила буржуазіи сводится ни къ чему иному, какъ къ большей или меньшей способности буржуазіи запугивать и застращивать правительство возможностью народнаго возстанія. А такъ какъ она сама до смерти боится того, чѣмъ пугаетъ правительство —то положеніе ее въ моментъ возстанія окажется довольно таки смѣшнымъ и жалкимъ.

Трудовыя массы должны ясно понять и твердо помнить, что первые ихъ шаги во время возстанія да-

дутъ направленіе всѣмъ послѣдующимъ; а потому чрезвычайно важно, чтобы именно эти первые шаги были сдѣланы осмотрительно, цѣлесообразно и правильно.

Съ своей стороны мы находимъ, что дѣло народнаго освобожденія будетъ правильно поставлено лишь въ томъ случаѣ, если возставшія народныя массы начнутъ съ захвата земли и всего имъ нужнаго.

И это потому, что чрезвычайно важно, чтобы возставшія массы народа—даже и малосознательныя — сразу же получили ясное и опредѣленное представленіе о томъ, во имя чего и ради чего они идутъ на страданія и смерть.

По деревнямъ и селамъ отвоеваніе земли и ея освобожденіе одно лишь можетъ служить тѣмъ кличемъ, который поймутъ и котораго послушаются народныя массы. Онъ одинъ только можетъ сплотить эти массы и заставить ихъ сдѣлать первый, въ сущности самый важный, революціонный шагъ.

А потому, если мы находимъ нужнымъ участіе широкихъ крестьянскихъ массъ въ готовящемся возстаніи, то должны согласиться съ тѣмъ, что цѣлью перваго революціоннаго натиска по деревнямъ и селамъ должно быть избрано: освобожденіе земли.

III.

Теперь скажемъ о томъ, какъ представляется намъ само возстаніе трудового народа за волю и землю.

Возстаніе трудовыхъ массъ поведетъ къ междуусобной борьбѣ. На одной сторонѣ будутъ трудовыя массы и революціонеры; на другой—правительство со

своими слугами и тѣми, которые станутъ противиться освобожденію земли.

Какъ же расположены силы противниковъ? Силы правительства и богачей по преимуществу расположены въ городахъ. Въ городахъ сосредоточено управленіе; въ городахъ находятся главные узлы и скрѣпы правительственной машины. Въ городахъ живутъ главные начальники. Въ городахъ, наконецъ, расположены войска, на обязанности которыхъ лежитъ охрана всего этого. По селамъ и деревнямъ силы правительства сравнительно ничтожны. Исправники, становые, земскіе начальники, попы, урядники да стражники — въ сущности не представляютъ собою силы. Это скорѣе соглядатаи, на обязанности которыхъ лежитъ не столько защита современнаго порядка вещей, сколько наблюденіе за покоренным̀ъ народомъ.

Расположеніе силъ трудового народа—обратное. Его главныя силы расположены по деревнямъ и селамъ—это крестьяне. Въ городахъ находится сравнительно небольшая часть этихъ силъ—это рабочіе.

При такомъ положеніи, выходитъ слѣдующее: тамъ, гдѣ у трудового народа расположены главныя силы, тамъ правительство ничего важнаго не держитъ. По деревнямъ и селамъ нѣтъ ничего такого, завладѣніе которымъ трудовыми массами растроило бы механизмъ правительства или нанесло ему существенный ударъ. А тамъ, гдѣ у правительства сосредоточены главныя самыя жизненныя его части, тамъ они не только прекрасно защищены войсками, полиціей и разными приспособленіями, но завладѣніе ими или

разрушеніе ихъ затруднено еще тѣмъ, что въ городахъ у трудового народа сравнительно мало силъ.

Какъ же тутъ быть?

Въ общихъ чертахъ, самый цѣлесообразный способъ дѣйствій, при данныхъ условіяхъ, намъ представляется такой. Надо заставить правительство вывести войска изъ городовъ, и когда оно это сдѣлаетъ, то городскія силы трудового народа, вмѣстѣ съ революціонными организаціями, должны напасть на существенѣйшія части правительственнаго механизма и привести ихъ въ негодность.

Заставить же правительство вывести войска изъ городовъ можно однимъ только средствомъ—захватомъ частновладѣльческихъ, казенныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ земель и изгнаніемъ изъ деревень начальства и помѣщиковъ съ ихъ слугами и пособниками. При этомъ надо имѣть въ виду, что съ войскомъ—этимъ главнымъ оплотомъ существующаго порядка вещей—будетъ гораздо легче, такъ или иначе, сладить или поладить въ то время, когда оно будетъ разбросано по деревнямъ и селамъ, чѣмъ тогда, когда оно еще сосредоточено въ городахъ. Въ этомъ обстоятельствѣ одна изъ главныхъ причинъ, почему правительство и его доброжелатели такъ недолюбливаютъ всякія крестьянскія волненія.

Итакъ возстаніе должно начаться съ деревни. И пока крестьяне не будутъ готовы къ возстанію, пока они не захватятъ землю, при полной рѣшимости и готовности ее защищать и отстаивать,— до тѣхъ поръ говорить о серьезномъ возстаніи нельзя. При

такомъ взглядѣ на дѣло ясно, почему захватъ фабрикъ и заводовъ рабочими не можетъ имѣть того значенія, которое имѣетъ захватъ земли. Въ городахъ находятся куда болѣе важные оплоты существующаго строя; рабочіе и революціонеры поступили бы неразумно, если бы не начали именно съ нихъ.

Но какъ же приготовиться къ возстанію?

Такъ какъ не только успѣхъ возстанія, но и сама его возможность, главнымъ образомъ, зависитъ отъ единодушнаго образа дѣйствія крестьянъ, то значитъ первымъ дѣломъ надо позаботиться о томъ, чтобы дѣйствія разныхъ селъ и деревень были согласованы между собою. Правительственному устройству, правительственной организаціи надо противопоставить устройство крестьянское—крестьянскую организацію.

По селамъ и деревнямъ должны быть основаны комитеты, братства, дружины и союзы изъ тѣхъ, кому дорога свобода и хорошее справедливое житье. Братства и дружины одного уѣзда, должны знать про братства и дружины другого уѣзда и дѣйствовать дружно и согласно. Братства и дружины одной губерніи должны быть освѣдомлены про братства и дружины другой губерніи и сообща подготовлять и вмѣстѣ начать дѣло своего освобожденія — дѣло завоеванія земли и воли.

Но, спроситъ читатель: какъ же сами то братства да союзы, да дружины основывать? Тутъ нѣтъ ничего мудреннаго. Пусть всякій, кто прочитаетъ эту книжечку, подумаетъ и спроситъ себя: хорошо ли ему живется при нынѣшнихъ порядкахъ? Находитъ

ли онъ хорошими и справедливыми тѣ порядки, которые царятъ въ Россіи?

Если онъ находитъ ихъ хорошими и справедливыми, если онъ доволенъ своимъ житьемъ, если и для дѣтей своихъ лучшаго не желаетъ, — то нечего тутъ и толковать. Онъ, очевидно, не изъ того тѣста слѣпленъ, изъ котораго свободныхъ людей лѣпятъ.

Если же, прочитавъ эту книжечку, человѣкъ почувствуетъ, что онъ и самъ всегда такъ думалъ, что такъ дольше жить нельзя, что свободное и справедливое житье важнѣе и драгоцѣннѣе всего на свѣтѣ, что ради завоеванія свободныхъ и справедливыхъ порядковъ стоитъ бороться, хотя бы въ этой борьбѣ пришлось и жизни лишиться, — то пусть такой человѣкъ прикинетъ въ умѣ своемъ, кто изъ его односельчанъ могъ бы въ такомъ дѣлѣ хорошій совѣтъ подать, пусть къ нему отправится и съ нимъ посовѣтуется какъ и изъ кого въ ихъ селѣ дружину основать. Затрудненія тутъ не будетъ.

Тотъ, у кого есть на этотъ счетъ сомнѣнія, пусть подумаетъ о томъ, что вѣдь, чай, всѣ по одному думаютъ, да таятся—другъ дружки опасаются—помалкиваютъ. А то и такъ бываетъ: понимаетъ человѣкъ, что жить при теперешнихъ порядкахъ нельзя, что эти порядки надо измѣнить. Думаетъ и о томъ, какъ что сдѣлать. Думаетъ, а молчитъ. Не хочется ему первому объявлятся. Не хочетъ выскочкой показаться.

Такъ дѣло и стоитъ. Нѣтъ почина. А между тѣмъ всякому должно быть ясно, что ни одно дѣло само собой не начиналось, само собой не дѣлалось. На-

дѣтыя на трудовой народъ цѣпи сами собою не спадутъ. Ихъ надо снять.

Заведя братство или дружину (дѣло не въ названіи) въ своемъ селѣ, надо послать подходящихъ людей въ сосѣднія—пусть и тамъ основываются подобныя же братства.

И такъ изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, изъ уѣзда въ уѣздъ пусть идетъ это дѣло, все распространяясь и расширяясь.

Дружинникамъ надо помнить одно: ихъ главная цѣль, ихъ главная забота должна состоять въ томъ, чтобы обстоятельно приготовиться къ тому, чтобы дать отпоръ тѣмъ царскимъ да барскимъ слугамъ, которые явятся, дабы снова поработить и ввести въ крѣпость освобожденную народомъ землю.

Кому такое дѣло, какъ возстаніе, кажется невозможнымъ или слишкомъ труднымъ, тотъ пусть о свободной землѣ да о волѣ и не думаетъ.

Основавъ братства да дружины, слѣдуетъ вступить въ сношенія съ городскими рабочими и революціонными комитетами. Отъ нихъ можно хорошій совѣтъ получить да помощь всякую, какая въ такомъ дѣлѣ потребоваться можетъ. Отъ нихъ же и книжками хорошими можно разжиться.

Въ началѣ, при самомъ возникновеніи дружинъ и братствъ, количество ихъ членовъ не важно. Важно качество этихъ членовъ—ихъ разумность, осмотрительность и непоколебимость.

Когда же будетъ закончена первая подготовительная работа; когда будетъ заложенъ прочный фунда-

ментъ всего дѣла; когда волости и цѣлые уѣзды будутъ покрыты сѣтью такихъ дружинъ; когда дружины будутъ въ тѣсной и прочной связи между собою и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ городскими рабочими и революціонными комитетами, союзами и дружинами,—тогда должна начаться работа въ ширь. Необходимо привлечь на свою сторону цѣлыя общества. Только при ихъ согласіи и содѣйствіи, можно надѣяться, такъ или иначе, поладить или сладить съ солдатами и казаками, которыхъ начальство пригонитъ въ села.

Подробныхъ и мелочныхъ указаній, въ такомъ дѣлѣ, дать нельзя. Дѣло, разъ начатое, само покажетъ, что слѣдуетъ дальше дѣлать, а чего дѣлать не слѣдуетъ. Мелочи и подробности зависятъ отъ условій времени и мѣста. Судить о нихъ и ихъ рѣшать можно только на мѣстѣ.

Общимъ же руководящимъ правиломъ должно служить постоянное памятованіе, что борьба ведется не противъ отдѣльныхъ лицъ, а противъ мерзкихъ и несправедливыхъ порядковъ.

Если это помнить, то путь ясенъ и прямъ. И надо идти по немъ твердо и рѣшительно. И горе тѣмъ, которые станутъ мѣшать этому движенію. Горе тѣмъ, которые станутъ пытаться загородить дорогу возставшему и идущему на завоеваніе земли и воли трудовому народу.

IV.

Все до сихъ поръ сказанное можетъ быть сведено къ слѣдующему:

Трудовому народу нужна не одна воля, но необходима теперь же и свободная земля.

Свободная земля дасть ему не только большую экономическую свободу, но значительно расширитъ и объемъ той воли,—той политической свободы, которой онъ будетъ пользоваться послѣ упраздненія самодержавія.

Та свобода, которая нужна трудовому народу, можетъ быть добыта только имъ самимъ, — помощію возстанія.

Ни правительство, ни богачи, никогда добровольно не согласятся снять съ трудового народа тѣ цѣпи политическаго и экономическаго рабства, которыя они на него надѣли.

Возстаніе трудового народа должно начаться въ деревнѣ, или при обязательной поддержкѣ деревни, дабы заставить правительство вывести войска изъ городовъ и тѣмъ дать возможность городскимъ рабочимъ и революціонерамъ напасть на правительство.

Возстаніе надо подготовить. Для этого необходимо образовать по деревнямъ и городамъ боевыя дружины, братства, союзы и комитеты. Главной работой такихъ боевыхъ комитетовъ, братствъ и дружинъ по деревнямъ должна быть подготовка къ тому, чтобы быть въ состояніи дать отпоръ тѣмъ слугамъ правительства и богачей, которые явятся снова вводить въ крѣпость освобожденную землю и водворять прогнанныхъ начальниковъ и помѣщиковъ; а въ городахъ дружины должны приготовиться къ серьезному нападенію на правительственныя учрежденія и

цѣлесообразному разстройству правительственнаго механизма.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ намъ представляется дѣятельность вышеупомянутыхъ дружинъ и братствъ въ подготовительное къ возстанію время, то есть въ настоящее время.

Отличительной чертой настоящаго времени мы считаемъ обостренiе той борьбы, которую ведутъ русскiе люди съ самодержавiемъ.

Обострилась эта борьба вслѣдствiе двухъ событiй: войны съ Японiей и убiйства министра Плеве Боевой Организацiей Партiи Соц.-Революцiонеровъ.

Война съ Японiей обнаружила гнилость самодержавiя и отсутствiе какой бы то ни было связи между правительствомъ и народомъ. Убiйство Плеве— внесло сумятицу въ ряды правительства и придало бодрость его врагамъ, то есть всѣмъ сознательнымъ русскимъ людямъ. Главной задачей правительства въ настоящее время является забота о томъ, какъ бы ему пережить въ цѣлости теперешнее затруднительное для него время.

Эта забота побудила царя и его совѣтниковъ назначить преемникомъ Плеве—Мирскаго.

Имя Мирскаго ни въ комъ не вызвало представленiя о какой бы то нибыло опредѣленной политикѣ, а потому позволяло всѣмъ надѣяться на что угодно. А извѣстно, что надежда часто является врагомъ непосредственнаго дѣйствiя. Правительство на это и разсчитывало, но разсчетъ его не оправдался.

Почуявъ нѣкоторую свободу, русскіе люди стали просить гораздо больше того, что предполагалось имъ дать.

По всей странѣ разныя учрежденія, собранія и общества вдругъ заговорили о нуждахъ родины.

Хотя сами по себѣ всѣ эти разговоры и тѣ петиціи, прошенія и адреса, которые стали подаваться царю и министрамъ и не представляли собой прямой опасности для правительства, но они вызвали разладъ въ рядахъ самихъ правителей. Правители стали упрекать другъ друга въ созданіи и допущеніи такого неслыханнаго положенія вещей, при которомъ безпечные и скромные россіяне вдругъ начали интересоваться судьбами родины и стали смѣть свое сужденіе имѣть.

Тутъ случилось въ Петербургѣ январьская стачка. Стачка эта и по своимъ размѣрамъ и по тому значенію, которое она имѣла въ дѣлѣ проясненія сознанія рабочихъ массъ, а главное, по тому вліянію, которое она несомнѣнно окажетъ на ходъ революціи, представляетъ собою настолько выдающееся событіе, что мы считаемъ нужнымъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Отличительной чертой этой стачки было то, что она организовалась безъ помѣхъ со стороны правительства. Это попустительство правительства было, конечно, вынужденнымъ. Правительство думало, что изъ двухъ золъ выбираетъ меньшее. Оно увидало свою ошибку только тогда, когда было уже слишкомъ поздно ее исправить. То обстоятельство, что прави-

тельство вынуждено было не мѣшать организаціи стачки, надо всецѣло приписать умѣлому веденію дѣла.

Душой январьскаго рабочаго движенія въ Петербургѣ былъ священникъ Георгій Гапонъ. Георгій Гапонъ давно уже занимался дѣлами рабочихъ. Онъ близко къ сердцу принималъ ихъ нужды и пользовался ихъ довѣріемъ.

Какъ истинный вождь народныхъ массъ, онъ принималъ въ разсчетъ не одни только сознательныя тысячи, но и малосознательныя сотни тысячъ. Онъ понималъ, что для разрушенія вѣры въ царя въ этихъ сотняхъ тысячъ нужно нѣчто болѣе для нихъ убѣдительное и болѣе для нихъ понятное, чѣмъ словесныя рѣчи, какъ бы хороши и умны они ни были.

9-го января Георгій Гапонъ повелъ рабочія массы къ царю. Рабочіе намѣревались, черезъ своихъ депутатовъ, изложить царю свои нужды, подать ему прошеніе и просить его заступничества.

По приказанію царя рабочіе были встрѣчены залпами пѣхоты и аттаками конницы. Нѣсколько тысячъ человѣкъ было убито и изувѣчено.

О томъ впечатлѣніи, которое эта бойня произвела на русскихъ людей, можно судить по тому письму, которое Георгій Гапонъ написалъ рабочимъ послѣ бойни. Вотъ это письмо:

Родные, кровью спаянные товарищи-рабочіе!

Мы мирно шли 9-го къ царю за правдой. Мы предупредили объ этомъ его опричниковъ-министровъ, просили убрать войска, не мѣшать намъ идти къ нашему царю. Самому царю я послалъ 8-го письмо въ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу

съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой. Цѣной собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все таки пролилась. Звѣрь-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русскаго народа сознательно хотѣли быть и сдѣлались убійцами безоруженыхъ нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей. Пули царскихъ солдатъ, убившихъ за Нарвской заставой рабочихъ, несшихъ царскіе портреты, прострѣливали эти портреты и убили нашу вѣру въ царя.

Такъ отомстимъ же, братья, проклятому народомъ царю, всему его змѣиному царскому отродью, его министрамъ и всѣмъ грабителямъ несчастной русской земли! Смерть имъ всѣмъ! Кто чѣмъ и какъ можетъ. Я призываю всѣхъ, кто хочетъ искренно помочь трудовому русскому народу свободно жить и дышать, на помощь. Всѣхъ интелегентовъ, студентовъ, всѣ революціонныя организаціи (соціальдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ), всѣхъ. Кто не съ народомъ, тотъ противъ народа!

Братья-товарищи, рабочіе всей Россіи! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, своихъ женъ и дѣтей, и оружіе разрѣшаю вамъ брать, гдѣ и какъ сможете. Бомбы, динамитъ — все разрѣшаю. Не грабьте только частныхъ жилищъ и лавокъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія; не грабьте бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными. Лучше оставить десять сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте баррикады. Громите царскіе дворцы и палаты, уничтожайте ненавистную народу полицію.

Солдатамъ и офицерамъ, убившимъ своихъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, всѣмъ угнетателямъ народа—мое пастырское проклятіе!

Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться своей свободы —благословеніе! Ихъ солдатскую клятву измѣнику-царю, сознательно пролившему невинную народную кровь, не пожелавшему даже выслушать свой народъ,—ихъ солдатскую клятву разрѣшаю.

Дорогіе товарищи-герои, не падайте духомъ. Вѣрьте, скоро добьемся свободы и правды. Неповинно пролитая кровь тому порукой.

Перепечатывайте, переписывайте всѣ, кто можетъ и распространяйте между собою и по всей Россіи это мое посланіе-завѣщаніе, зовущее всѣхъ угнетенныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ на Руси возстать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ, если разстрѣляютъ, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мнѣ вами, сотнями тысячъ честныхъ рабочихъ, клятву. Боритесь, покуда не будетъ созвано Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго избирательнаго права, гдѣ будутъ избраны вами защитники вашихъ интересовъ, выставленныхъ въ вашей петиціи измѣннику-царю. Да здраствуетъ грядущая свобода русскаго народа! **Свящ. Георгій Гапонъ.**

Петербургъ, 1905 г. 9-го января, 12 час. веч.

Петербургскія событія не на шутку испугали царя и его родичей.

Мирскій былъ удаленъ. На его мѣсто былъ назначенъ Булыгинъ, а власть была вручена Трепову.

Власть была вручена Трепову потому, что для Трепова не существуетъ ни чести родины, ни блага народа. Для него существуетъ лишь благо того мерзкаго сообщества, которое въ Россіи называется правительствомъ. Треповъ преданный слуга этого сообщества и ради его охраны и безопасности не остановится ни передъ чѣмъ. Это не надо забывать

Назначеніе Булыгина обосновано тѣмъ, что онъ не будетъ мѣшать дѣйствіямъ Трепова и того кружка, которому теперь поручено залечивать язвы гніющаго самодержавія и во что-бы то ни стало продлить его существованіе. Изъ положенія дѣлъ въ настоящее время ясно, что было бы величайшей ошибкой со стороны революціонно настроенныхъ массъ, если бы они теперь же не противупоставили правительственной твердости, рѣшительности и прямоли-

нейности свою собственную революціонную твердость, рѣшительность и прямолинейность.

А потому, именно теперь, болѣе чѣмъ когда либо, трудовой народъ долженъ твердо стоять на своей точкѣ зрѣнія, и неуклонно и рѣзко вести свою рабочую линію и вести ее до конца, то есть до коренного измѣненія существующаго порядка вещей.

Такой коренной переворотъ предполагаетъ: 1) Изгнаніе изъ Россіи Николая и всего царствующаго дома и во 2) Освобожденіе земли.

Трудовыя массы должны понять, что примиренія съ Николаемъ быть не можетъ. Они должны понять, что вступить на путь какихъ бы то ни было сдѣлокъ, соглашеній и договоровъ съ царемъ значитъ вступить на путь лжи и обмановъ.

А потому, когда Николай да его пособники заговорятъ о примиреніи, пойдутъ на уступки,—а настанетъ и такое время—то пусть трудовой народъ не идетъ на эту удочку, ибо будетъ жестоко обманутъ и наказанъ.

Все хорошо въ свое время. 30 лѣтъ тому назадъ договоръ съ царемъ былъ бы полезенъ. Теперь такой договоръ намъ безъ надобности потому, что не нуженъ намъ теперь никакой царь — ни съ договоромъ, ни безъ договора.

Сознательныя рабочія массы давно понимаютъ, что оставленіе въ Россіи Николая и всего дома его несовмѣстимо съ благомъ, достоинствомъ и честью нашей родины. Бойня 9-го января должна была и малосознательныя массы убѣдить въ этомъ.

А потому, пусть не возвращаются на свою бле-

вотину. Пусть не ловятся на удочку царскихъ уступокъ. Пусть не замираютъ, пока есть въ Россіи царь, а земля въ оковахъ частной собственности.

* * *

Возвратимся теперь къ дружинамъ и спросимъ себя: что же должны они дѣлать по городамъ и селамъ въ настоящее время?

Намъ кажется, что сама жизнь даетъ на этотъ счетъ чрезвычайно ясныя и опредѣленныя указанія.

Жизнь показала, что нельзя искусственно создавать массовыя движенія. Съ другой стороны, опытъ показалъ что отсутствіе среди волнующагося народа организованныхъ революціонныхъ отрядовъ, готовыхъ перейти въ наступленіе, лишаетъ народныя массы всякой возможности нанести хоть какой нибудь вредъ правительству.

Задача боевыхъ дружинъ и организацій должна состоять въ томъ, чтобы быть всегда готовыми придать массовымъ движеніямъ цѣлесообразное, согласное съ интересами трудовыхъ массъ, направленіе. Дружины и дружинники должны быть зачинщиками и первыми исполнителями нужныхъ дѣлъ.

Масса докончитъ то, что будетъ начато дружинами.

Главная опора правительства—это войско. И хотя солдатамъ, въ большинствѣ случаевъ, и неохота разстрѣливать народъ, но пока начальники на мѣстахъ, ничего солдаты не могутъ подѣлать. Приходится повиноваться. Поэтому надо убрать начальниковъ. Это дѣло дружинъ.

Телефонное и телеграфное сообщеніе значительно

помогаетъ главному начальству всегда быть освѣдомленнымъ о томъ, что происходитъ, и дѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Изъ этого ясно, что телефонное и телеграфное сообщеніе должно быть прервано. И это также дѣло дружинъ.

Движущуюся народную массу всегда останавливаютъ цѣпью войскъ. Народъ въ массѣ не можетъ ни обойти врага, ни его окружить, ни зайти ему въ тылъ.

Только дружины, пробравшись по одиночкѣ къ указанному мѣсту, могутъ очутиться въ тылу врага и напасть на него тамъ, гдѣ онъ всего менѣе этого ожидаетъ.

Наконецъ, всякому понятно, насколько важно не дозволять конницѣ скакать по улицамъ и панелямъ и давить народъ.

Воспрепятствовать такой скачкѣ можно различнаго рода загражденіями. Для такого рода загражденій особенно пригодна желѣзная проволока протянутая черезъ улицу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Надо по возможности заграждать и панели. Приготовлять эти загражденія надо заблаговременно,—среди толпы, — проволоку укрѣпить съ одной стороны улицы, но не подымать отъ земли. Когда толпа отхлынетъ, то натянуть проволоку, обмотавъ ее около фонарнаго или телеграфнаго столба или, что еще лучше, прицѣпивъ ее къ дому, чтобы загородить панель.

Исполненіе всего этого должны взять на себя дружинники.

Всего того, что должны дѣлать дружины во время массовыхъ движеній, понятное дѣло, перечесть нельзя.

Если читатель понялъ суть нашихъ мыслей и имъ сочувствуетъ— то онъ самъ дополнитъ то, что мы сказали. Все сказанное относится ко днямъ массовыхъ движеній. Въ обыденное же время дружины должны вмѣшиваться и принимать самое дѣятельное участіе въ той борьбѣ, которую постоянно ведутъ со своими тюремщиками и начальствомъ содержащіеся по тюрьмамъ революціонеры. Заключенные по тюрьмамъ революціонеры постоянно борятся со своими тюремщиками, но за недостаткомъ силъ и вслѣдствіи тѣхъ условій, въ которыхъ находятся, рѣдко достигаютъ какихъ либо осязаемыхъ результатовъ; а коли достигаютъ, то цѣной неимовѣрныхъ страданій.

По деревнямъ крестьяне всегда боролись и теперь борятся со своими притѣснителями.

Но подобно тому, какъ борьба революціонеровъ по тюрьмамъ не достигаетъ и не можетъ достигнуть осязаемыхъ результатовъ, вслѣдствіе недостатка физическихъ силъ заключенныхъ, такъ и борьба крестьянъ не достигаетъ и не можетъ достигнуть осязаемыхъ результатовъ. Но уже не вслѣдствіи недостатка въ физическихъ силахъ, а вслѣдствіе того, что эта борьба ведется разрознено, не согласовано и безъ яснаго сознанія насчетъ истиннаго положенія дѣла. Крестьяне мало отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что безъ сверженія самодержавія и безъ освобожденія всей земли, никакого существеннаго улучшенія въ положеніи трудового народа быть не можетъ.

Поэтому первой заботой дружинъ и братствъ по деревнямъ и селамъ должна быть забота о томъ,

чтобы правильно поставить дѣло борьбы крестьянъ со своими притѣснителями. А это легче всего будетъ осуществить въ томъ случаѣ, если дружины станутъ во главѣ этой борьбы; примутъ въ ней дѣятельное участіе и покажутъ на дѣлѣ что надо дѣлать, а чего дѣлать не слѣдуетъ.

Въ настоящее время дружины должны стремиться къ слѣдующему: 1) пробудить въ массахъ сознаніе своей силы; 2) сдѣлать опаснымъ и даже невозможнымъ какъ пребываніе по деревнямъ начальства въ видѣ земскихъ, урядниковъ и стражниковъ, такъ и появленіе въ деревняхъ и селахъ губернаторовъ, жандармскихъ полковниковъ и т. п.; 3) стремиться къ захвату частновладѣльческихъ земель и рядомъ съ этимъ дѣлать веденіе помѣщичьяго хозяйства невозможнымъ.

Давать подробныхъ указаній на счетъ того, какъ именно сдѣлать веденіе помѣщичьяго хозяйства невозможнымъ, мы здѣсь не будемъ. Мы только скажемъ, что самымъ простымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для этого считаемъ такое отношеніе къ помѣщичьей землѣ и помѣщичьему хозяйству, какъ еслибы земля была **уже** освобождена; была **уже** свободной; была **уже** изъята изъ частнаго владѣнія.

Дружины, союзы и комитеты должны еще озаботиться о томъ, чтобы ихъ дѣятельность и тѣ цѣли, которыя они преслѣдуютъ, были правильно поняты мѣстнымъ населеніемъ.

Для этого, кромѣ устной пропаганды, могутъ служить листки и прокламаціи, выпускаемыя, какъ цен-

тральными учрежденіями Партіи Соц.-Революціонеровъ, такъ и самими дружинами, братствами, союзами и комитетами.

При этомъ, одной изъ главныхъ задачъ, какъ устной, такъ и печатной пропаганды и агитаціи, должно быть стремленіе объяснить населенію, что борьба ведется не противъ отдѣльныхъ помѣщиковъ и начальниковъ, а противъ тѣхъ мерзкихъ порядковъ, которые они завели и поддерживаютъ. Что отдѣльные помѣщики и начальники будутъ уничтожаемы только въ томъ случаѣ, если будутъ становиться въ поперекъ дороги трудовому народу. А потому, если они не хотятъ подвергнуться истребленію, то пусть добровольно сойдутъ съ дороги и не мѣшаютъ трудовому народу.

Идя на завоеваніе земли и воли, трудовой народъ домагается и добивается не чужаго, а своего. Чужаго ему не нужно. Борясь за свободную землю да за справедливые и разумные порядки, онъ борется за всѣхъ тѣхъ, кому правда милѣе кривды; кому пользованіе плодами **своихъ** трудовъ кажется лучше и справедливѣе того грабежа, которымъ живутъ теперь помѣщики и капиталисты.

А потому, если грабителямъ и защитникамъ кривды придется крутовато, то пенять имъ не на кого: сами виноваты!

Друзья богачей, да разные несмысленные люди, очень склонны общественную запашку частновладѣльческихъ земель называть грабежомъ; а удаленіе

тѣхъ, которые этому мѣшаютъ, клеймить насиліемъ и убійствомъ.

Это невѣрно. Земля такъ же необходима людямъ, какъ и воздухъ для дыханія. Это понимаетъ всякій и мы не стали бы объ этомъ говорить, если бы не знали, что, какъ только трудовой народъ сдѣлаетъ движеніе, чтобы отстранить тѣхъ, которые держатъ его за горло, такъ тотчасъ же на него посыпятся обвиненія въ насиліи, грабежѣ, убійствѣ и тому подобномъ.

Трудовой народъ поступитъ разумно, если, не обращая вниманіе на такое шипѣніе, будетъ продолжать дѣлать свое революціонное дѣло.

Въ этой книжкѣ мы старались показать трудовому народу, какъ смотримъ мы, соціалисты-революціонеры, на дѣло народнаго освобожденія, и что по нашему мнѣнію долженъ дѣлать трудовой народъ, еели хочетъ стряхнуть съ себя лежащій на немъ гнетъ.

Мы говорили также и о томъ, какъ смотрятъ на это дѣло соц.-демократы и толстовцы.

Изъ книжекъ соц.-демократическихъ совѣтуемъ прочесть книжку: „Къ деревенской бѣднотѣ“. Изъ книжекъ толстовцевъ книжку: „О революціи“.

Мы думаемъ, что если трудовой народъ приметъ совѣтъ толстовцевъ и станетъ поступать по ихъ указаніямъ, то никогда не добьется освобожденія.

Мы думаемъ, что если трудовой народъ приметъ совѣтъ соц.-демократовъ и станетъ поступать по ихъ указаніямъ, то попадетъ въ очень невыгодное для

себя положеніе и упуститъ много такого, чего бы могъ добиться теперь же.

Мы убѣждены въ томъ, что программа Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ выражаетъ собою стремленія и желанія трудового народа.

И именно потому, что мы думаемъ, что эта программа выражаетъ собою стремленіе и желаніе революціонно настроеннаго и ведущаго свою рабочую линію трудового народа, именно поэтому, эта программа стала нашей программой.

Мы еще убѣждены въ томъ, что дѣло освобожденія трудового народа должно быть дѣломъ его собственныхъ рукъ. И не только рукъ, но и головы. Онъ самъ долженъ не только исполнить это дѣло, но и обдумать его.

А потому, не навязывая никому своего взгляда и своихъ мнѣній, мы закончимъ наше писаніе такимъ совѣтомъ трудовому народу: „все испытывать — хорошаго держаться“.

Д. Хилковъ.

